

НАШЕСТВИЕ БАТАЯ НА РУСЬ

С.Л.Фокин. Жорж Батай в 30-е годы: Философия. Политика. Религия. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. университет экономики и финансов.1998. — 130 с.

Сегодня все то, что *касается* современной французской мысли, — переводы, исследования, комментарии — отмечено повышенным интересом критики. Сфера накалена. Да и нет, пожалуй, более острой полемики среди переводчиков и исследователей, чем в среде специалистов по французской философии и литературе XX в. Борьба за власть над, если не умами, то вниманием читателя максимальна. Здесь проходит вектор актуальности, здесь сфера распределения квот популярности, здесь же наиболее раскупаемые тиражи переводов, дискурс которых апроприруется гуманитариями, арт-критиками и левыми философами России.

Имя Жоржа Батая в последнее время приобрело популярность в самых различных кругах. Но частотность упоминаний его всуе и обращений к мыслям французского писателя и мыслителя (его рейтинг цитирования в среде отечественных интеллектуалов один из самых высоких) находится в обратной зависимости с количеством исследований его творчества. Вопреки установившемуся способу распространения новых авторов в российской среде: вначале критические статьи, пересказы, ссылки на первоисточники, наконец, рефераты, как это было, например, с французскими экзистенциалистами, Хайдеггером, Фуко, Делезом и т.д., — с Батаем, благодаря активной деятельности переводчиков, ситуация иная. В исчерпывающей библиографии, приведенной в книге, можно воочию убедиться, что переводов Батая больше, чем исследований. В этом — редком — случае переводческое “предложение” опережает спрос.

С.Л. Фокин уже известен отечественному интеллектуалу как наиболее активный переводчик и комментатор работ/трудов/произведений Батая, вполне отвечающий требованиям В.Беньямина: “Переводчик обязан расширять и углублять свой язык посредством чужого”. Его высокая компетентность позволяет ввести читателя не только в творческий мир и основные темы французского мыслителя, но показать контекст, в котором (или — в основном — вопреки которому) рождались его работы, и раскрыть основные истоки и импульсы. Несомненно представляет интерес и легкую инъекцию, повышающую уровень самосознания, анализ влияний на творчество Ж.Батая представителей Русской мысли во Франции — Л.Шестова, (“ему-то я и обязан началом своих философских познаний” — признается Батай; благодаря ему в круг чтений Батая вошли Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Достоевский) и А.В.Кожевникова (А. Кожев,

лекции которого он аккуратно посещал). Это отрадный факт, поскольку сегодня повсеместно продвижение идей Батая в среде современных российских интеллектуалов.

Особая статья — метод исследователя. Когда встречаешься с мыслителем такого ранга как Батай, с такой силой негативности по отношению к политическим течениям, к господствующей мысли, нравам и наконец к самому языку, то трудно не попасть в зависимость от его письма. Дистанцироваться. Ангажированность и несамостоятельность мысли по- и исследователей выдающегося философа известна. В результате мы имеем то, что было диагностировано В.С. Малаховым в отношении хайдеггерианцев: трактовка произведений мастера — ритуал, который "осуществляется только в терминах объясняемого текста". Ряд можно смело дополнить гуссерлианцами, фукианцами, лаканистами, шизоаналитиками. Фокин же этой участи счастливо избежал: он вписывает Батая в отечественную традицию литературоведения, увеличивая дистанцию операторами наукообразия, как, например, повсеместное "дело идет о...". Здесь неуместное и трансгрессивное, неподвластное дисциплинарной определенности и рациональным ловушкам творчество Батая становится *предметом анализа*. Последовательность, сотканная Фокиным из "случайных" мыслей Батая, при изложении таких *невозможных* тем как: трата, смерть, жертва, — выдают, однако, изысканную и удерживаемую С.Фокиным позицию. Полагаю, что читателя не введет в заблуждение отсутствие речи о современных проблемах: прислушавшись, он отчетливо различит голос автора, звучащего через или поверх Батая в полемике о самых насущных проблемах и вклинивающегося в литературоведческие, идеологические и философские дискуссии последних десятилетий.

Сергей Фокин находит свои ответы на трудные вопросы, касающиеся отношения Батая к сюрреализму, марксизму, фашизму, а также к жертвоприношениям и ритуалам в буржуазном "демократическом" обществе. Это тем более контрастирует с исключительно *академическим* названием книги. (В предисловии мы не обнаружим объяснения необходимости ограничиться периодом 30-х, рамки которого к тому же постоянно нарушаются). Впрочем, от *первой* монографии *естественно* было бы ожидать рассказа о *всем творчестве* Ж.Батая.

Своеобразие авторской позиции усиливается пристальным — возможно излишне — вниманием к *общественно-политической* деятельности писателя. Он детально анализирует его журнальные публикации на актуальные темы: "Журнал — не книга; в периодических публикациях писатель как нельзя лучше осуществляет возможность присутствия в гуще событий, самоопределения по отношению к текущей повседневности, к тому, что иным представляется переходным, мимолетным, случайным, но в сущности своей несет, по словам Ш. Бодлера, 'дух современности'" (с. 19). В организации Батаем журнала исследователь совершенно справедливо усматривает *политический* опыт: "политика не принимает одиночек, и писатель, начиная ощущать императивы современной исторической ситуации, должен был искать себе подобных, чтобы сообща ответить на

вопросы, которые задавало время" (с. Именно в практических начинаниях Батая — учреждении тайного общества "Ацефал" и организации группы "Контратака", участии в руководстве "Коллежем социологии" — С.Л.Фокин видит реализацию принципиального устремления Батая — достичь позиции "философа-вне-себя". Под такой позицией им понимается "некое положение мысли или диспозиция письма... Это положение или диспозиция неотделимы от творческого существования писателя, *вписывающего свой опыт в текущую действительность*". В книге поэт и мистик Батай предстает не столько библиотечным отшельником, довольствующимся событиями в сфере мысли и *внутреннего* опыта, сколько активным, вечно сражающимся и реагирующим на события интеллектуалом.

Отчетливость исследовательской авторской позиции имеет и обратную сторону. Сопутствующая Батаю скандальность под пером литературоведа разбивается о систематику и перечень вполне респектабельных тем, которые обсуждаются в академической науке по сей день. В довершении *легализации* мысли Батая, которая была предпринята в предшествующей книге "Танатография эроса" (1994), Фокин приводит ряд авторитетных фигур гуманитарной науки, искусства и литературы, видевших в Батае достойного оппонента/собеседника в раздумье о сложных проблемах современности, о истоках человеческой общности или, по терминологии Батая, сообщничества. В результате, ряд дисциплин, в которых замечен след Батая, не мал: литературоведение, искусствоведение, политология, этнология, философия, экономика. Слаженную *последовательность* смены интересов Батая, его творческих и экзистенциальных стратегий, нарисованную исследователем: от теолога, *первого* студента, писателя, ведущего разгульный образ жизни, к опыту организатора тайного религиозного общества и до человека, открыто пропагандирующего свои политические взгляды — вполне можно дополнить, без потери изящества конструкции, *одновременностью* в слове "сочетал"; соединял несоединимое: архивариуса днем и завсегда-тая публичных домов ночью, эзотеричность тайного общества и публичность выступлений, ученого и мистика, писателя и философа

Наиболее удачен раздел, посвященный фашизму. В этой предельно политизированной теме слово "фашизм" почти рефлекторно (что, впрочем, всегда подозрительно в деле мысли) связывается с абсолютно негативным и отвратительным. На минном поле запретов и узких проходов к безопасным выводам Фокин идет своим путем: *анализирует* сложные взаимоотношения Батая с идейным корпусом фашизма времен его наибольшей популярности и идеологического соблазна — того периода, когда им были увлечены многие интеллектуалы Запада. В этом разделе автор, как нигде, проговаривает себя. В эмоциональном письме. В совпадении оценок. Реконструкция концепции Батая оказывается сложнее, чем однозначное приятие/неприятие идеологии фашизма или его антипода, а посему и близкого — согласно Батаю — по духу политического и идеологического направления, коммунизма: "некоторые совпадения

результатов, к которым пришли фашизм и большевизм” — мысль ставшая общеизвестной благодаря трудам Ханны Аренд и с ней связываемая. Эти выводы Батая тем более ценны, что высказаны они задолго до того, как “Освенцим” и “Гулаг” стали именами нарицательными.

Позицию Батая исследователь называет экстремистской: вне и “по ту сторону всяких позиций (демократических, фашистских, коммунистических)”, — но экстремистской *позитивно*. Фокин представляет эволюцию взглядов Батая на власть и государство в связи с принципом “непроизводительной траты” и оригинальной “наукой об ином”: от признания религиозно-психологической силы фашизма, которая имела своей точкой концентрации “архаическую традиционную фигуру суверена” и поддерживалась “союзом военного и религиозного”, до резкой критики — “он сознает, что победить фашизм... можно не иначе, как используя ту же силу инородного, то есть элементы насилия, аффективных состояний, шоковых ситуаций” (с. 60). Благодаря предпринятому рассмотрению мысли Батая в динамике, нашедшей свое выражение в ряде работ — “Язык цветов”, “Понятие траты”, “Проблема государства”, — иначе и яснее прочитывается блестяще переведенная Г. Галкиной (НЛО 1995, № 13) статья Батая “Психологическая структура фашизма”. Фокин подчеркивает, что мысль Батая не могла работать на фашизм уже потому, что она “оказывается много его сильнее” (с. 66). Сила эта видится в выводах: “фашистская чума проникает в социальное тело посредством своего рода режима гигиены, безжалостно отсекающего от жизни все, что представляется нечистым, нездоровым, низким” (с. 67). Именно “низкий материализм” составляет предмет интересов Батая и точку, отталкиваясь от которой он критикует как фашизм, “исключающий другого”, так и “исключающее трату” производительное общество, — однородность буржуазного демократического общества, сейчас бы сказали общества тотального потребления. Фокин приводит запоминающуюся батаевскую метафору примитивности сознания массового человека: его мир есть “мир, рожденный в мозгу сосиски, у которой те же чувства, что и у того, кто ее ест”, — и, как кажется, полностью с ней соглашается.

“Вряд ли чисто текстовый анализ может вскрыть то, что делал этот писатель в литературе”, — заявляет Фокин. И применяя это суждение к самому литературоведу, приходится отдать ему должное: Фокин не просто анализирует творчество Батая, он помещает в русское поле его фигуру, а читатель имеет возможность увидеть целый пласт европейской литературы и философии, Гегеля и Ницше, столь любимых Батаем, с неожиданной стороны — *через его опыт*. Быть может *явлению* Батай-Фокин созвучна пара Бизе-Щедрин, в которой последний в свободной транскрипции перевел оперное произведение французского композитора в балетную сюиту, рассчитанную на русскую балерину, Фокин — на русского читателя. Но вопрос все же остается, как сохранить выразительные возможности французского языка, в особенности у того, кто ставил своей

целью испытывать его границы, а также можно ли пережить/перевести опыт другого, его неумеренность и неистовство?

Исследование батаевода избыточно (возможно тем "переизбытком", который, согласно Батаю ведет к трате); по драматизации оно далеко переходит допустимые границы научной отстраненности литературоведения, по оценкам — вторгается на историко-философскую территорию (чтобы не сказать в специальные философские темы, как, например, в главе "Ацефал", в которой Фокин касается философии смерти), и в особенности, оно избыточно по степени упорядоченности творческих движений Батая. Слегка настораживает композиционная четкость и точность оглавления книги, которая благодаря этому могла бы служить справочным материалом; неожиданно *плавные* (сглаженные до гармоничности, вопреки основной интенции Батая к атеологии, дисгармонии, безмерности: "Гармония — дело рук вовлеченного в проект человека, он обрел спокойствие, устранил нетерпение желая") и *последовательные* переходы батаевской мысли от литературы к политике, религии, социологии.

Выстраивая композицию по линиям отмежеваний (и одновременно приложений внимания) Батая, Фокин выступает его "сообщником" в том "сообществе человеческой мысли", существование которого Батай утверждал и в котором становятся возможными движения "транс" как движения "к". Батай предстает не "бесноватым", а, признавая онтологически непримиримую разорванность отдельного конечного бытия и органическое единство тела всего человеческого сообщества, всегда современным и актуальным. Это удивительное *согласие* автора и фигуры его анализа, по-видимому, постоянного собеседника, увлекает и читателя, "вызывая" ("я предлагаю не книгу, а вызов" (с. 107), пишет Батай о "Внутреннем опыте") сочувствие и соразмышление. Трагика и радикализм, биение и разорванность мысли Батая приобретают в историческом взгляде *матовый* оттенок осмысленности. Вопросы в отношении Батая под конец исчерпываются: сбор из его трудов и жизненных обстоятельств выстраивается гармоничным. Его венчает усталая и мудрая улыбка на одной из его последних фотографий.

Наконец в разборе "Суммы атеологии" уделено внимание "манере письма" Батая, его представлению о *литературном* опыте, его спорному отношению к художественной форме, к Книге: "'Книга' знаменует смерть человека, отчуждение его негативности в формы неживой реальности... На месте Книги — бесконечный ряд 'паракнижных' отрывков: прологи, предисловия, комментарии..." (с. 113). Однако здесь исследовательская позиция Фокина вступает в контрапункт с интенцией Батая к разрушению "целостности произведения", к принципиальной незавершенности опыта письма, к поэтике "руин". На основе интуиции Л.Шестова — "Сумма" как готический Собор, — он созидает Собор из его трудов и встраивает Батая в литературную традицию. В результате автор "Суммы атеологии" предстает односторонне: добросовестным семинаристом, профессиональным архивистом-палеографом, эстетом. Будем же надеяться, что

следующая работа филолога С.Л.Фокина будет посвящена литературному делу Батая и невозможности его письма.

Вовлеченный в мир исследуемого им писателя, Фокин весьма деликатно излагает его биографию, используя наукообразную латынь там, где ее можно избежать: при характеристике болезни отца — “тяжелая форма табеса” (сифилиса), разгул и неистовство, с которыми он предавался порокам, посещая публичные дома и прочие злачные места, выглядят пристойным “выкидыванием коленец” в увеселительных заведениях в “часы дружеских бдений”.

Любителя же читать нечто к делу не относящееся, но к книге прилагающееся, здесь будут радовать маргинальные изыски. В невзрачном потоке университетских изданий, пусть и увенчанном в данном случае высоким титулом “Санкт-Петербургский Государственный университет экономики и финансов”, с бледным текстом эпохи перестроечной свободы доступа к ксероксам и ризографам попадаетея то, что не может не обратить на себя внимание: наименование кафедры — “Французского и восточных языков”, академическое название, выдающее диссертационную производную автора, тираж — насмешка, 200 экз., обложка в стиле опытов начинающего пользователя программы Word. И все это — *первая в России монография*, посвященная творчеству Жоржа Батая, Батыем прошедшим по Российскому интеллектуальному ландшафту и наложившим повинность всеобщего чтения того, кто и на Родине не выходит из узкого круга потребления. Не всякий свой опыт соотнесет с его внутренним. Забавная мизансцена имела место на презентации перевода батаевского “Внутреннего опыта” в Петербурге, когда представитель Французского института Альянс Франсез выпытывал у переводчика — С.Л.Фокина — что он и как понял те или иные места книги и, зная русский, обращался к переводу, сравнивал, и ... не понимал снова. Удивлялся.

Книга в конце концов примечательна тем, что она дает еще один *практический* ответ на вопрос о том, как возможно (в том числе и дисциплинарно) рассматривать такого разнопланового писателя как Батай: в “лабиринтах” его мыслей, опытов, провокаций исследователь движется согласованно, с доверием к его тексту, *по(д)строчно*.

Полагаю, что современная гуманитарная наука и все, кто интересуется современной французской мыслью, получают хорошую возможность подробно ознакомиться с творчеством одного из видных ее представителей — Ж.Батая. В 30-е годы.

В.В. Савчук